

С.В. Банит

К вопросу об историчности исторических шаиров

Рассматриваемый здесь вопрос представляется автору чрезвычайно важным для принятия четкого жанрового определения произведений, называемых историческими шаирами. Шаиры – это поэтические произведения, состоящие из произвольного количества четверостиший со сплошной рифмой. По содержанию они разделяются на три основных группы: романические (переложение прозаических сказочно-авантюрных повестей), философские (или аллегорические) и исторические. Историческими принято называть только произведения, содержание которых можно соотнести с фактами и лицами, известными нам по письменным историческим памятникам. Исторические шаиры опираются на реальные факты, что легко можно установить по другим источникам (например, документам голландской или английской колониальной администрации).

Содержание шаиров если и не во всем правдиво, то правдоподобно, даже когда оно не соответствовало реальным событиям. В них отражены не все важные для народа события, не все подлинные герои, а в отборе материала наблюдается определенная тенденция: о военных победах всегда и везде писали охотнее, чем о поражениях. Подвиги неугодных своему господину героев автор предпочитал не упоминать.

Тем не менее поэты называют также героическими [Koster 1993: 144], или поэтами о войне, что на наш взгляд относится только к части из них. Если принять последнее определение, то к какому типу следует отнести «Поэт о пожаре в Сингапуре» Абдуллаха Мунши или «Поэт о визите русского цесаревича в Батавию»? Вопрос о внутренней классификации исторических поэтов следует рассматривать отдельно, такие попытки уже предпринимались Хоойкасом и Брагинским. Причем первый предлагал различать исторические поэты по длительности (рассматривает одно или более событий); второй – по содержанию (о войне, путешествии, дворцовой жизни). Вслед за ними этого вопроса касается Костер, выделяя четыре вида: поэты о правящей династии; поэты о личностях, не принадлежащих к царственному роду (не только малайцев, но и китайцев и европейцев); поэты-журналистские отчеты; поэты-военные хроники [Ibid: 145].

Таким образом, вопрос следует сформулировать так: можно ли воспринимать исторический поэт как источник по истории конкретного события или места? Все они опирались на действительную историческую основу, но зачастую исторические факты не являлись самоценными для авторов, а служили для обоснования идейно-нравственных принципов. Достаточно обратиться к «Поэту о султанах маулане», в котором говорится:

Сочиняются эти поэмы,
Чтобы прославить смелых,
А тот, кто струсил [вчера],
Пусть наберется здесь смелости на будущее
[Skinner 1985: 254].

Этими строками и определяется цель написания поэтов, они должны прославлять и поучать. Их главная задача — не строгая передача хронологии, причин и течения событий, а прославление героев, воспевание их воинской доблести и силы (к чему присовокупляется описание героической внешности, неотделимой части образа). Таковы образы правителей и их подданных, созданные авторами поэтов.

Прекрасного султана «Поэта о великом султанах» окружают умные, достойные и преданные люди:

Лаксамана, молодой министр, —
Верный слуга государя,
Сын брата матери [султана],
На него всегда можно положиться. (17 — номер строфы)
Падука Сери Раджа, молодой дворянин,
Тоже преданный государю слуга. (21)
Он честен в речах и верен в делах. (22)
Есть еще Сери Падука Туан.
Он друг и советник,
В работе нет ему равных. (25)

[Ibid]

В фиолетовых атласных одеждах,
В белых повязках с птичьими перьями,
У каждого из них драгоценный чундрик¹. (347)
Военачальник, умный командир,
Держал дорого украшенный чундрик,
В волосах его — перо.
Подобен он был разъяренному слону. (351)

[Chamber-Loir 1982].

Выполнение этой задачи определяет степень историчности шаира: трактовка и оценка реальных событий по значению приравнивается к самому событию. Иначе говоря, конкретный факт предстает перед читателем или слушателем в преломленном виде, происходящее повергается этической оценке. Эта оценка в основном заранее предсказуема, поскольку представляет общепринятое понимание событий.

Произведения такого рода служили на протяжении длительного периода своеобразным учебником, но не столько истории, сколько обществоведения, этикета, нравов. Они сохранили не отдельные исторические факты, а исторические, нравственные и философские идеи, воплощенные в художественные образы - выражение исторического самосознания народа. Так что речь может идти не об искажении истории, а об особом ее восприятии, об особой народной версии истории. Переплетение исторической действительности с фольклорными способами изложения было обусловлено тем, что шаиры, являясь жанром

¹ Чундрик — род кинжала.

письменным, были рассчитанным на чтение вслух, на «исполнение с листа», оглашение перед более или менее многочисленной аудиторией, что и подтверждается фольклорными приемами, употребляемыми авторами шайров. В текстах шайров встречается множество устойчивых описаний и неизменных словесных оборотов. К ним относятся описания битв, снаряжения армий, кораблей, клятв в верности государю, равно как и основные образы, эпитеты, сравнения, то есть все то, что получило название «общих мест» или «формул». Безусловно названные детали приближают шайры к фольклору и не добавляют ему исторической достоверности.

С течением времени необходимость отражать исторические факты привела к появлению нового содержания в старых жанровых рамках. Исторические поэмы не превратились в исторические хроники. В отличие от хроникальной поэтической форма отражения действительности имела свои преимущества, позволяя быстро откликаться на многообразные явления. Написание таких произведений получило большое распространение в конце XIX в., их авторы обычно ограничиваются простой документальной передачей событий. Появились шайры на самые различные темы, прежде не являвшиеся основой для какого-либо вида произведений: события официальной жизни, криминальная хроника, бытовые происшествия. Их тематический ряд значительно расширился, появились такие произведения, как «Шайр о железной дороге» (1890), «Шайр о чиновниках, назначенных его превосходительством генерал-губернатором или же уволенных им со службы», «Шайр на прибытие в Батавию русского цесаревича» и др. [Сикорский 1965: 33].

Столь бурное расширение тематического диапазона нередко шло в ущерб художественной глубине, так как в стремлении успеть за историей певцы не слишком заботились о художественной форме. Поэтому многие песни не пережили породившего их времени. Часть произведений, написанных на рубеже XIX–XX вв., можно условно назвать «газетными», поскольку они основывались не на личном опыте автора или на материалах сказаний о недавнем прошлом (как основное количество исторических шайров), а на газетных статьях.

Это привело к появлению произведений со статичным описанием событий, сопровождаемым большим количеством исторически верных деталей, повествование в целом в них отличается

сухостью, очень небольшой степенью изобразительности и шаблонностью. Примером такого рода произведений может служить «Шаир о русско-японской войне» — большой объем, широкий охват событий, длительные временные рамки, газетный стиль изложения, простой язык. Возможно, что это вывело шаиrow того времени за рамки литературы.

Шаиrow большей частью содержат достоверную информацию, однако они не могут служить полноценными «историческими документами», поскольку не дают полного охвата событий, с собственно исторической точки зрения, не содержат объяснений экономических и политических причин войн и конфликтов. Это является одним из основных недостатков исторического шаиrow. Шаиrow о войнах концентрируют свое внимание на наиболее ярких эпизодах сражений (преимущественно победных), основное внимание уделяется только одной стороне, участвующей в конфликте. Главной «исторической» слабостью шаиrow считается их замкнутость на одной личности — центральной в повествовании [Skinner 1963: 8, 31]. В «Шаиrow о государстве Бима» им становится великий визирь, несмотря на то, что дается описание султана, но его образ статичен, в то время как образ визиря соответствует всем канонам положительного героя.

Великий визирь, умный правитель,
Как светило на земле Бимы,
К тому же знатный и богатый,
Все подчиняются его приказам.

[Chamber-Loir 1982: 148].

Tuanku Sultan yang amat ghana
Sempurna arif lagi bijaksana
Mengetahui ilmu empat belas laksana
Mendapat hakikat yang amat sempurna.

[Skinner 1963: 72].

Каковы способы передачи исторической достоверности? К самым очевидным из них относятся упоминание реальных исторических лиц, участвовавших в описываемых событиях, перечисление их званий и должностей, места при дворе, точная географическая локализация, указание численности войск противоборствующих сторон. Здесь следует уточнить, что шаир, как

и летопись, фиксирует отдельные моменты меняющейся действительности, но не упоминает о сведениях, которые, по мнению автора, должны быть известны читателю-слушателю. Эти сведения часто связаны с местностью, определенными датами, традициями. Упоминания стоит лишь то, что изменилось, случилось, но не то, что существует «всегда». Время в исторических шаирах, как правило, определено, то есть имеется точная дата событий и соблюдена относительно последовательная хронология. Указание на время здесь в большинстве случаев четкое, не вызывающее сомнений. Названы не только года, но и дни и часы, как, например, в «Поэме о государстве Бима»:

Пришла воля господина всеведущего
 В год хиджры пророка — главы рода человеческого —
 Тысяча двести лет прошло
 И еще тридцать два по мусульманскому
 летоисчислению.

По воле Аллаха — единого бога —
 В семь часов, во время молитвы,
 В первый день месяца, понедельник, вечер,
 Исчезла душа знатного раджи.

[Chamber-Loir 1982: 114].

Особо следует отметить «Шаир о русско-японской войне», автор которого не придерживается строгой хронологической последовательности и заставляет своих читателей путешествовать во времени и пространстве, наблюдая за ходом войны. Так, например, он говорит: «А сейчас давайте оставим на время генерала Куропаткина и его армию... и [вернемся] в 24 августа и встретимся с японскими войсками», — и переносит читателей на несколько месяцев назад. Или, оставив противников биться на суше в начале августа, он возвращается в конец мая, описывая военные действия на море.

Это произведение стоит значительно отличается от прочих сочинений, оно явно испытало влияние европейской литературной традиции. Это касается не только хронологии, но и композиции. Поэма начинается с небольшого вступления, где обрисовывается ситуация в Маньчжурии. Далее следует подробный пересказ содержания 50 телеграмм, проектов договоров и поправок к ним. Последующие 32 главы не только рассказывают

о военных действиях, но и содержат перечисление военных кораблей, имена капитанов, данные о численности русских гарнизонов в Маньчжурии. Автор говорит, что всю информацию он почерпнул из американских и немецких газет.

Поскольку шаиры не всегда были непосредственным откликом на события (то есть могли быть созданы значительно позже), то историческая реальность, естественно, подвергалась изменению. Фактические неточности и ошибки в исторических песнях — это не всегда результаты поэтической вольности либо забвения, недостаточной осведомленности слагателей песни. Подчас они являются так называемым домыслом: дополнением или подправлением исторической реальности, примером чего может служить «Шаир о Химопе» (другое его название «Шаир о войне Компании с китайцами»). В нем описана совершенно особая ситуация — главный герой, голландский администратор Химоп (ван Имхофф), принимает ислам, что в основном и составляет главную сюжетную линию. Основой первой части поэмы стал рассказ о восстании батавских китайцев в 1740 г., которое было жестоко подавлено голландским губернатором. Битва за Батавию представлена в сказочном виде: китайцы изготовили огромных размеров фигуру (унгти), похожую на Равану, и двинулись к городу, который обороняли малайцы вместе с солдатами Компании, те и другие «бьются на совесть, сильны в бою».

В поэме Химоп представлен смелым воином, защищающим Батавию и местных жителей от нападения китайцев. Являясь положительным героем, Химоп наделяется некоторыми стереотипными эпитетами, которые характерны для исторических поэм. Подчеркивается его знатность, ум и отвага: «весьма умен Химоп, отважный тигр, смелый дворянин, умный и знатный, умеет говорить и учтиво, и грубо».

На Яве Химоп посетил могилу мусульманского святого, где убедился в неистинности христианства и принял ислам. Возвратившись в Батавию, он оставил губернаторский пост и занялся изучением Китабов (книг об исламе) и декламацию Корана. Такой фантастический финал совершенно не соответствует реальным фактам, но он вполне объясним. В соответствии с канонами жанра положительный герой должен быть не только смелым, умным, преданным государю, но и знатным и правоверным. В малайской литературе мусульманского периода из-

вестны герои, которые, не являясь правоверными, тем не менее считаются положительными (кроме «Шаира о Химопе» есть еще и «Шаир о де Брау», положительный герой которого — палембангский резидент). Принятие ислама для такого героя становится венцом биографии.

Стоит упомянуть о «Шаире о Тенгку Прабу». Это произведение написано в нехарактерном для малайской литературы критическом ключе. Неизвестный автор жил в Сингапуре и был, по-видимому, непосредственным наблюдателем, одним из дворцовых обитателей, что очевидно из его слов «я услышал и сконфузился» о разговоре султана с Тенгку Прабу, его женой (а также он говорит *sekalian kita* ‘мы все’ об дворцовых людях). Мы можем видеть жизнь семьи султана и двор изнутри. Сама история, действие которой происходило в 1830-е годы, состоит в том, что малайский правитель Сингапура приютил в своем дворце некоего Абдулкадира бин Ахмад Сахиба, выходца из Индии, который в скором времени стал его фаворитом и любовником его жены. Абдулкадиру и султану с семьей пришлось бежать от гнева народа и знати из Сингапура в Малакку. Для придания приличия присутствию Абдулкадира в семье султана ему присвоили титул Тенгку Муда и сочетали браком с дочерью султана.

Открытой критики султана нет, хотя автор откровенно и с болью в сердце повествует о том, что султан совершает много предосудительных поступков.

Вот султан, исконный правитель,
Заикающийся и глухой, апатичный и слепой.
Сколько не кланяйся, падая в пыль,
Он не обращает никакого внимания

[Usman 1957: 56].

Традиционное понятие о справедливом правителе (*raja adil*) становится основой для оценки султана Сингапура, однако, на наш взгляд, помимо упрека в слабости, нерешительности и бездеятельности, в поэме сквозит явное сочувствие к этому несчастному человеку, которое и создает общий печальный настрой поэмы.

Из приведенных выше примеров становится ясно, что предпочесть одних героев другим позволяют лишь национальные или религиозные симпатии и антипатии авторов.

В шаирах отсутствует собственно историческая оценка событий, касающаяся их причин и последствий. Для всего течения истории

есть только одно обоснование — на все воля Всевышнего, все события происходят в наказание или назидание. Это тесно связано с уже упоминавшейся идеей о «справедливом правителе» и понятием об общественном договоре между правителем и подданными.

Намеревался повелитель — наместник господа
начать священную войну.

А что касается правоверного народа —
меньше их стало, тут против не скажешь:
определена воля единого бога,
могущество и воля его велики,
и происходит по его воле —
[это все] с государством и столицей.

Свершилась воля творца океана —
знак, что трудности ждут всех в стране:
и министров, и военачальников.

Встревожены все от мала до велика. 75-6

[Syair perang Siak].

Повествование о судьбах правящего дома и страны велось в них так, чтобы вскрыть тайный смысл событий и природу незримых сил, действующих под видимой поверхностью, и тем самым обретало дидактическую направленность на примерах или, точнее, уроках истории, воспитывая государей и их подданных.

Библиография

Брагинский В.И. История малайской литературы VII–XIX вв. М.: Наука, 1983.

Сикорский В.В. Индонезийская литература. М., 1965.

Chamber-Loir H. Syair kerajaan Bima. Jakarta; Bandung, 1982.

Hooykaas C. Perintis sastera. Groningen; Djakarta, 1951.

Koster G.L. Roaming through seductive gardens: readings in Malay narrative. Leiden, 1993.

Syair perang Siak. A court poem presenting the state policy of a Minangkabau Malay royal family in exile / Edited and translated by Donald J. Goudie. Kuala Lumpur, 1989.

Skinner C. Sja'ir perang Mengkasar. 'S-Gravenhage, 1963.

Skinner C. The battle for Junk Ceylon. Dordrecht – Holland / Cinnaminson — U.S.A. 1985.

Usman Z. Kesusasteraan lama Indonesia. Djakarta, 1957.